

УДК 141
DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-79-82
EDN: IGCIVU

Е. В. БОРИСОВ

Институт философии и права
СО РАН,
г. Новосибирск

КАПЛАН И МАРТИ ОБ ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕСКРИПЦИЯХ: НЕСТАНДАРТНЫЕ СЛУЧАИ РЕФЕРЕНТНОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ

Проведенное Доннелланом различие референтного и атрибутивного употребления определенных дескрипций породило два объяснения — семантическое и прагматическое. Одна из версий семантического объяснения была намечена Капланом и детально разработана Марти. В теории Каплана—Марти определенные дескрипции в референтном употреблении трактуются как одноразовые имена собственные в миллианском смысле. В одной из моих недавних публикаций я показал, что эмпирические данные, на которые опирается эта теория, не обеспечивают ей достаточного основания применительно к стандартным случаям референтного употребления и что это делает прагматическую теорию предпочтительной. Данная статья является продолжением предыдущей: здесь рассматривается ряд нестандартных случаев референтного употребления и демонстрируется, что применительно к этим случаям теория Каплана—Марти тоже не имеет преимуществ перед прагматической теорией.

Ключевые слова: Каплан, Марти, определенная дескрипция, имя собственное, референтное употребление определенных дескрипций, нестандартные случаи референтного употребления.

Различение атрибутивного и референтного употребления определенных дескрипций, проведенное Доннелланом [1], породило две теории референтного употребления: семантическую и прагматическую. Для семантической теории определенные дескрипции семантически неоднозначны: помимо атрибутивного значения, которое обычно понимается в смысле Рассела [2] или Стросона [3], они также имеют референтное значение. Для прагматической теории определенные дескрипции семантически однозначны и имеют только атрибутивное значение, а специфика референтного употребления обусловлена прагматическими обстоятельствами в смысле Грайса [4]. Одну из семантических теорий наметил Каплан в работе *Demonstratives* [5, р. 558–563] и детально разработала Марти в ряде статей [6–8]; в дальнейшем я буду называть их теорию КМ. В своей предыдущей статье [9] я представил возражение против КМ, состоящее в том, что стандартные случаи референтного употребления определенных дескрипций лучше объясняет

прагматическая теория Крипке [10]. Данная статья является продолжением: здесь я рассматриваю некоторые нестандартные случаи референтного употребления и показываю, что применительно к ним теория Крипке также более предпочтительна [подробное описание обеих теорий см.: 9].

Главный тезис КМ таков: референтное употребление дескрипции¹ — это ее употребление в качестве одноразового имени собственного. При этом имя собственное понимается в миллианском смысле, то есть как прямо-референтное выражение [6], а одноразовое имя понимается как употребляемое (с данной референцией) только в одном речевом акте. Поскольку в КМ имя собственное понимается в миллианском смысле, важной частью этой теории является тезис о семантической нейтрализации атрибутивного содержания дескрипции при ее референтном употреблении: объект может быть референтом референтно употребленной дескрипции даже если не соответствует ее атрибутивному содержанию.

Рассмотрим референтное употребление определенной дескрипции D для референции к объекту O. *Стандартный случай* такого употребления, рассмотренный в [9], имеет следующие особенности: (1) это акт именованья — говорящий делает D именем собственным O; (2) D используется как одноразовое имя — говорящий не намерен использовать его с этой референцией в будущем; (3) говорящий выбирает D как имя O, потому что считает, что O соответствует атрибутивному содержанию O — этим обусловлена прагматическая значимость атрибутивного содержания D.

Рассмотрим теперь три нестандартных случая референтного употребления.

Случай 1. Говорящий не думает, что O является единственным объектом, соответствующим атрибутивному содержанию D, то есть не думает, что O является семантическим референтом D. Тем не менее он использует D, чтобы указать слушателю на O. Это мотивировано тем, что говорящий полагает, что слушатель считает O семантическим референтом D. Доннеллан описывает следующий пример речевого акта такого вида: «Допустим, на полке в моей комнате лежит каменный муляж книги, и я знаю, что мой собеседник принимает этот камень за книгу» [11, р. 214]. В этой ситуации для говорящего вполне естественно использовать дескрипцию 'книга', чтобы указать собеседнику на упомянутый камень. Дополним этот пример: допустим, что в комнате, где находятся собеседники, нет других полок и нет ни одной настоящей книги; при этом на полке рядом с муляжом книги лежит карандаш. В этой ситуации, говорящий мог бы сказать: «Карандаш на полке рядом с книгой», — чтобы указать слушателю на расположение карандаша. Такое указание могло бы быть успешным, то есть слушатель понял бы, где находится карандаш, несмотря на то что дескрипция 'книга' не указывала бы на книгу, а предположение было бы ложным.

Случай 2. Говорящий считает, что O является единственным объектом, соответствующим D (то есть семантическим референтом D) и рассчитывает на то, что слушатель разделяет это мнение, но произносит D не для указания на O, а для того, чтобы сообщить, что данному объекту присущи содержащиеся в D атрибуты. Берг характеризует речевые акты такого рода как референциальную атрибуцию [12]. Вот один из его примеров: претендент на выборную должность в дискуссии о своем сопернике говорит: «Мошенник должен сидеть в тюрьме» [12, р. 73]. Здесь дескрипция 'мошенник' используется не для указания на объект для его дальнейшего обсуждения, но для характеристики объекта, который уже является темой разговора. Допустим, соперника говорящего зовут Смит. Тогда процитированное высказывание (в контексте разговора о Смите) может быть перефразировано следующим образом: «Смит является (единственным в универсуме разговора) мошенником, и он должен сидеть в тюрьме». Этот парафраз делает очевидным, что в речевых актах такого рода дескрипция используется не для указания на объект, а для его характеристики, то есть используется не как терм, а как своеобразный (включающий в себя условие единственности) предикат. На тот факт, что дескрипции могут использоваться подобным образом, обратил внимание Стросон; вслед за Рамачандрани [13, р. 249] я буду называть такое употребление предикативным. Стросон иллюстрирует предикативное употребление дескрипций на следующем

примере: «Наполеон был величайшим полководцем Франции» [3, р. 320]. Здесь на объект указывает имя 'Наполеон'; дескрипция 'величайший полководец Франции' используется как предикат. В нашем примере (в реплике «Мошенник должен сидеть в тюрьме») функцию указания на объект выполняет контекст, то есть тот факт, что разговор идет о Смите, что позволяет говорящему использовать дескрипцию предикативно.

Заметим, что в обоих рассмотренных случаях как минимум один из участников коммуникации считает, что O является семантическим референтом D: в первом случае это слушатель, во втором — говорящий. И в обоих случаях говорящий выбирает D для референции к O с учетом этого мнения, т.е. в обоих случаях атрибутивное содержание D релевантно. По этой причине рассмотренные случаи не подтверждают теорию КМ. Напомню, один из тезисов этой теории состоит в том, что при референтном употреблении определенных дескрипций, то есть при их употреблении в качестве одноразовых имен собственных, их атрибутивное содержание теряет семантическую значимость, хотя может сохранять прагматическую значимость. Дефект этой теории, который я отметил в [9] при рассмотрении *Стандартного случая*, состоит в следующем: если атрибутивное содержание значимо при *одноразовом* употреблении дескрипции, тезис о его семантической нейтрализации теряет эмпирические основания. Этот тезис мог бы быть подтвержден последующими актами употребления дескрипции, но в случае ее одноразового употребления релевантных последующих актов нет. Этот аргумент действует и применительно к рассмотренным выше случаям: в этих случаях атрибутивное содержание дескрипции релевантно, а поскольку речь идет только о ее одноразовом употреблении, у нас нет эмпирических оснований для тезиса о семантической нейтрализации атрибутивного содержания. Следовательно, мы не можем утверждать, что в такого рода речевых актах определенные дескрипции превращаются в одноразовые имена собственные в миллианском смысле.

Случай 3. Говорящий использует дескрипцию D референтно, с целью указания на O, но никоим образом не учитывает ее атрибутивное содержание, так что последнее не имеет ни семантической, ни прагматической значимости. В этом случае тезис КМ о семантической нейтрализации атрибутивного содержания D верен. Допустим также, что это использование D для референции к O является одноразовым. В этом случае нет сомнений, что D является одноразовым именем собственным в миллианском смысле, что вполне соответствует КМ. Если мои возражения против КМ применительно к *Стандартному случаю* и нестандартным *Случаям 1 и 2* верны, то нестандартный *Случай 3* — это единственный случай, которому КМ дает убедительное объяснение. Однако этот случай не релевантен задаче объяснения референтного употребления определенных дескрипций, как его понимал Доннеллан, поскольку с точки зрения Доннеллана атрибутивное содержание дескрипции имеет некоторую (семантическую или прагматическую) значимость при любом ее употреблении.

Этот момент теории Доннеллана можно проиллюстрировать, обратившись к его дискуссии с Маккеем. Маккей трактует доннелланово понятие референтного употребления в том смысле, что говорящий может назначать референт определенной дескрип-

ции произвольно, не обращая внимания на ее атрибутивное содержание [14]. В этом, по мнению Маккея, концепция референтного употребления Доннеллана подобна 'теории' значения Шалтай-Болтая из *Алисы в Зазеркалье*, который придавал словам значения по своему усмотрению [14, р. 200]. Доннеллан в своем ответе [11] не согласился с этой трактовкой референтного употребления. Его возражение состоит в том, что говорящий выбирает выражение для референции к объекту с учетом того, как оно будет понято слушателем. Но ожидания относительно слушателя, в свою очередь, определяются конвенциональными значениями. Конвенциональное значение определенной дескрипции — это ее атрибутивное содержание, поэтому последнее является (семантически или прагматически) релевантным даже в случае референтного употребления [11, р. 214]. Поэтому, если мы понимаем референтное употребление определенной дескрипции в смысле Доннеллана, мы должны иметь в виду, что ее атрибутивное содержание имеет как минимум прагматическую значимость. Но это значит, что нестандартный случай 3 не является примером референтного употребления определенных дескрипций в смысле Доннеллана. Таким образом, КМ, как попытка объяснения референтного употребления дескрипций, оказывается успешной только при условии, что мы расширим понятие референтного употребления, включив в его объем нестандартный *Случай 3*, и только применительно к нему.

Подведем итог. Объяснение нестандартных *Случаев 1* и *2* в КМ не имеет под собой достаточного эмпирического основания. Как показано в [9], это относится и к *Стандартному случаю*. При этом КМ успешно объясняет нестандартный *Случай 3*, однако он не является примером референтного употребления определенных дескрипций в смысле Доннеллана. Это позволяет заключить, что прагматическое объяснение специфики референтного употребления определенных дескрипций в смысле Доннеллана более убедительно, чем семантическое объяснение в КМ.

Примечание

¹ Здесь и далее в статье я буду использовать термин 'дескрипция' в качестве сокращения для термина 'определенная дескрипция'.

Библиографический список

1. Donnellan K. Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, № 3. P. 281–304. DOI: 10.2307/2183143.
2. Russell B. On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14, № 4. P. 479–493. DOI: 10.1093/mind/XIV.4.479.
3. Strawson P. On Referring // *Mind*. 1950. Vol. LIX, № 235. P. 320–344. DOI: 10.1093/mind/LIX.235.320.
4. Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 394 p.
5. Kaplan D. Demonstratives // *Themes from Kaplan* / Eds. J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563. ISBN 019505217X; 978-0195052176.
6. Marti G. The Essence of Genuine Reference // *Journal of Philosophical Logic*. 1995. Vol. 24, № 3. P. 275–289. DOI: 10.1007/bf01344204.
7. Marti G. Direct Reference and Definite Descriptions // *Dialectica*. 2008. Vol. 62, № 1. P. 43–57. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2008.01138.x.
8. Marti G. Names, Descriptions and Causal Descriptions. Is the Magic Gone? // *Topoi*. 2020. Vol. 39, № 2. P. 357–365. DOI: 10.1007/s11245-017-9525-1.
9. Борисов Е. В. Каплан и Марти об определенных дескрипциях // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2023. Т. 8, № 4. С. 84–88. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88. EDN: HZLTCM.
10. Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. 2, № 1. P. 255–276. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x.
11. Donnellan K. Putting Humpty Dumpty Together Again // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, № 2. P. 203–215. DOI: 10.2307/2183321.
12. Berg J. Referential Attribution // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 96, № 1. P. 73–86. DOI: 10.1023/A:1004283021977.
13. Ramachandran M. Descriptions and Presuppositions: Strawson vs. Russell // *South African Journal of Philosophy*. 2008. Vol. 27, № 3. P. 242–257. DOI: 10.4314/sajpem.v27i3.31515.
14. MacKay A. Mr. Donnellan and Humpty Dumpty on Referring // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, № 2. P. 197–202. DOI: 10.2307/2183320.

БОРИСОВ Евгений Васильевич, доктор философских наук, доцент (Россия), главный научный сотрудник отдела философии Института философии и права СО РАН, г. Новосибирск.
SPIN-код: 6061-9186
AuthorID (РИНЦ): 278628
ORCID: 0000-0001-6587-9616
ResearcherID: T-3807-2017
AuthorID (SCOPUS): 56287727200
Адрес для переписки: borisov.evgeny@gmail.com

Для цитирования

Борисов Е. В. Каплан и Марти об определенных дескрипциях: нестандартные случаи референтного употребления // *Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность*. 2024. Т. 9, № 3. С. 79–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-79-82.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024 г.

© Е. В. Борисов

KAPLAN AND MARTI ON DEFINITE DESCRIPTIONS: NON-STANDARD CASES OF REFERENTIAL USE

Donnellan's distinction between referential and attributive uses of definite descriptions has two explanations — the semantic and the pragmatic one. A version of semantic explanations was outlined by Kaplan and elaborated in detail by Marti. They construe a referentially used definite description as a proper name in the Millian sense. In a recent paper, I showed that the evidence Kaplan–Marti theory relies on is inappropriate with respect to the standard case of referential use, which makes the pragmatic theory preferable. This paper is a continuation of the cited one. Here I examine a number of non-standard cases of referential use and demonstrate that, with respect to them, Kaplan–Marti theory has no advantage over the pragmatic account either.

Keywords: Kaplan, Marti, definite description, proper name, referential use of definite descriptions, non-standard cases of referential use.

References

1. Donnellan K. Reference and Definite Descriptions // *The Philosophical Review*. 1966. Vol. 75, no. 3. P. 281–304. DOI: 10.2307/2183143. (In Engl.).
2. Russell B. On Denoting // *Mind*. 1905. Vol. 14, no. 4. P. 479–493. DOI: 10.1093/mind/XIV.4.479. (In Engl.).
3. Strawson P. On Referring // *Mind*. New Series. 1950. Vol. LIX, № 235. P. 320–344. DOI: 10.1093/mind/LIX.235.320. (In Engl.).
4. Grice H. P. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1989. 394 p. (In Engl.).
5. Kaplan D. *Demonstratives* // *Themes from Kaplan* / Eds.: J. Almog, J. Perry, H. Wettstein. Oxford: Oxford University Press, 1989. P. 481–563. ISBN 019505217X; 978-0195052176. (In Engl.).
6. Marti G. The Essence of Genuine Reference // *Journal of Philosophical Logic*. 1995. Vol. 24, no. 3. P. 275–289. DOI: 10.1007/bf01344204. (In Engl.).
7. Marti G. Direct Reference and Definite Descriptions // *Dialectica*. 2008. Vol. 62, no. 1. P. 43–57. DOI: 10.1111/j.1746-8361.2008.01138.x. (In Engl.).
8. Marti G. Names, Descriptions and Causal Descriptions. Is the Magic Gone? // *Topoi*. 2020. Vol. 39, no. 2. P. 357–365. DOI: 10.1007/s11245-017-9525-1. (In Engl.).
9. Borisov E. V. Kaplan i Marti ob opredelennykh deskriptsiyakh [Kaplan and Marti on Definite Descriptions] // *Omskiy nauchnyy vestnik. Ser. Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost'*. *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2023. Vol. 8, no. 4. P. 84–88. DOI: 10.25206/2542-0488-2023-8-4-84-88. EDN: HZLTCM. (In Russ.).
10. Kripke S. Speaker's Reference and Semantic Reference // *Midwest Studies in Philosophy*. 1977. Vol. 2, no. 1. P. 255–276. DOI: 10.1111/j.1475-4975.1977.tb00045.x. (In Engl.).
11. Donnellan K. Putting Humpty Dumpty Together Again // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, no. 2. P. 203–215. DOI: 10.2307/2183321. (In Engl.).

12. Berg J. Referential Attribution // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 96, no. 1. P. 73–86. DOI: 10.1023/A:1004283021977. (In Engl.).
13. Ramachandran M. Descriptions and Presuppositions: Strawson vs. Russell // *South African Journal of Philosophy*. 2008. Vol. 27, no. 3. P. 242–257. DOI: 10.4314/sajpem.v27i3.31515. (In Engl.).
14. MacKay A. Mr. Donnellan and Humpty Dumpty on Referring // *The Philosophical Review*. 1968. Vol. 77, no. 2. P. 197–202. DOI: 10.2307/2183320. (In Engl.).

BORISOV Evgeny Vasilyevich, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of Philosophy Department of the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk.
SPIN-code: 6061-9186
AuthorID (RSCI): 278628
ORCID: 0000-0001-6587-9616
ResearcherID: T-3807-2017
AuthorID (SCOPUS): 56287727200
Correspondence address: borisov.evgeny@gmail.com

For citations

Borisov E. V. Kaplan and Marti on definite descriptions: non-standard cases of referential use // *Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity*. 2024. Vol. 9, no. 3. P. 79–82. DOI: 10.25206/2542-0488-2024-9-3-79-82.

Received June 17, 2024.
© E. V. Borisov